

ЗАХВАТ ЦЕРКВЕЙ

Параллельно с арестами духовенства шла кампания повсеместного закрытия церквей. Советское руководство хотело не просто закрыть церковные здания, оно стремилось ликвидировать храмы как дома молитвы, разом искоренить общинные традиции Церкви, ее соборность. Все это стало одной из главных задач советского государства, решить которую задалось в кратчайшие сроки. Только в 1929 году в России было закрыто 1119 храмов. 5 декабря 1931 года уничтожили главную святыню Москвы – храм Христа Спасителя. Величественный собор был взорван, а в 1960 году на его фундаменте устроили открытый плавательный бассейн. На Долгоруковской улице закрыли храм Святителя Николая Чудотворца, где в 40-х годах поместили контору «Союзмультфильм». В Ленинграде закрыли и хотели взорвать храм Спаса на Крови, но помешала Великая Отечественная война. В годы блокады под сенью этого замечательного храма устроили морг – другого здания в огромном столичном городе, видимо, не нашлось.

В Пензенском регионе закрытие храмов проходило по общему сценарию, но были и свои особенности. К 1931 году Православная Церковь в Пензе владела лишь несколькими храмами: это Спасо-Преображенская, Введенская церковь в Веселовке, Влади-

мирская в Кривозерье, Всех Святых в Манчжурии, Никольская в Терновке и Рождества Богородицы в Конной Слободе.* Вскоре и они были закрыты. Несмотря на снижение интереса советской власти к обновленчеству, лучшие храмы города оставались за обновленцами и раскольниками. Такие церкви мало посещались

*Никольская церковь в аварийном состоянии. 1920-е гг.
Фото из коллекции И. Шишкина*

верующими, не ремонтировались и быстро приходили в аварийное состояние. Это стало одним из поводов к их закрытию. После передачи обновленцам богатой Никольской церкви она стала разваливаться буквально на глазах. Обновленческий приходской совет был задавлен чрезмерным налогом, и в 1929 году церковь закрыли.

В крайне плачевном состоянии находился – краса и гордость города – Спасский кафедральный собор. До революции он пользовался особой любовью пензяков, а гостей поражал своим величием и внутренним убранством. Сквер, разбитый около собора, был излюбленным местом прогулки и отдыха горожан. В некоторых пензенских кругах собор называли «лебедем» или «лебедушкой» –

* Район Бугровка – Арбеково.

весь белый, он как бы величаво плыл над городом. В постройке, перестройке, благоукрашении главного храма города приняли участие почти все дореволюционные архиереи. На него жертвовали все горожане независимо от сословия и достатка. Под сенью собора были погребены пензенские архипастыри. Здесь воздевал к небу десницы святой Иннокентий. Здесь молились четыре Всероссийских Императора. Здесь хранились главные святыни епархии – чудотворная икона Казанской Божией Матери и Спаса Всемилоостивого. Здесь тысячи верующих проливали в молитвах слезы и получали исцеления. Отсюда с крестным ходом и благословением архиерея уходили на фронт пензенские ополченцы. Здесь хранились штандарты французских армий, захваченные в 1812 году. И много еще славы и доблести, веры и благочестия видел этот собор во имя Спаса Всемилоостивого.

Но не видел он того смрада и ужаса, который принесла советская власть. С приходом большевиков и до мученической кончины собора все городские беды, все общественные пороки непременно выплескивались на главную пензенскую святыню. Начиная с 1917 года, на Соборной площади проходили революционные митинги, посвященные годовщинам Октября. 2 февраля 1918 года под стенами собора власти встретили ружейными залпами крестный ход. В марте того же года святыня была захвачена обновленцами, а престол осквернен беснующимися сторонниками Путяты. По рассказам современников, с паперти собора обновленцы на тачке с гиканьем выкатили епископа Пензенского Феодора (Лебедева), который вскоре скончался от инфаркта. До 1923 года главный храм находился в руках обновленцев и, несмотря на ходатайства тихоновцев, его так и не вернули законным владельцам.

После закрытия собора в апреле 1923 года Пензенский губисполком ломал голову, как использовать здание. Решили летнее помещение (верхний этаж) отдать под центральный клуб с устройством в нем кинематографа и читальни, сохраняя при этом внешность и художественность внутри. Нижнее помещение (зимний храм) ввиду невозможности использовать под культурно-просветительные нужды (темнота, необорудованность, необходимость больших перестроек) приспособить под склад и сыпной пункт. Последнее намерение власти распорядились произвести постепенно, не нарушая религиозных предрассудков верующих. Что же касается внешности собора, комиссия приняла решение о

необходимости ремонта (особенно правой стороны, где от воды обвалилась штукатурка). Подняли вопрос и о снятии крестов с заменой их красной звездой и знаменами⁹⁰. Однако в 1923 году многие начинания так и остались в планах, лишь в нижнем храме устроили архивное хранилище.

Собор продолжал разрушаться, из него тащили все, что можно было утащить. По некоторым данным в недрах ГПУ растворилась богатейшая соборная библиотека (по другим – хранится под землей до сих пор). В августе 1931 года по требованию Крайисполкома с храма сняли кресты и купол с колокольни⁹¹, сбросили 800-пудовый соборный колокол, а летом 1934 года здание определили под снос. Сначала пробовали ломать стенобитной машиной. Огромный металлический шар врезался в святые стены, но они не поддавались, собор продолжал стоять⁹². Тогда летом 1934 года храм взорвали.

До нас дошли воспоминания Константина Петровича Морозова, который, еще мальчиком, проживал на углу Садовой (Лермонтова) и Верхне-Пешей (Куйбышева) улиц и был свидетелем взрыва. Он вспоминал огненные вспышки, падающие в огне камни, доски, перекрытия. Неподалеку от умирающего собора на земле лежала целая и невредимая икона Богородицы. Костя с друзьями по-детски обрадовались находке, принесли икону домой, но отец одного из ребят грозно повелел сжечь икону. Это произошло на глазах у плачущих детей. Собор же оказался настолько крепким, что от взрыва больше пострадала лишь его верхняя часть, стены же продолжали стоять. При разборе завалов одного из рабочих задавило насмерть. Такова краткая история уничтожения самого грандиозного и монументального здания Пензенской губернии, главной святыни епархии.

А 25 октября 1931 года один из обновленческих лидеров, «по синодальному избранию» «митрополит» Михаил Трубин, провозгласил Кафедральным собором Успенскую церковь на Мирносицком кладбище⁹³. С того времени она прочно укрепилась за обновленческой верхушкой и стала своего рода крепостью, из которой на протяжении ряда лет «летели ядра в тихоновский стан». До 1935 года настоятелем Мирносицкой церкви был обновленческий протоиерей Александр Иванович Введенский – тезка известного обновленческого деятеля всероссийского масштаба.

Отследить с точностью судьбу каждого храма непросто: они переходили от одних обновленцев к другим, использовались под

разные кощунственные нужды. Пожалуй, самым вопиющим фактом осквернения храма стало использование Успенской церкви при Пензенской Губсовбольнице: постановлением от 16 апреля 1923 года ее передали на нужды прозекторской⁹⁴.

После 1936 года был уничтожен один из самых богатых храмов города – Петропавловская церковь, построенная в 1797–1801 гг. на средства пензенских купцов-благотворителей. В 1824 году в Петропавловской церкви за Божественной литургией молился Император Александр I, приехавший на смотр войсковых частей. При церкви существовал лучший в городе хор

*Обновленческий протоиерей
Александр Введенский*

под руководством известного хорового организатора и дирижера А. В. Касторского. С середины 20-х гг. величественный храм оказался в руках обновленцев, а в 1931 году его закрыли и передали конторе «Союзхлеб».

Весной 1931 года Крайисполком начал порайонный сбор сведений о действующих и закрытых церквях, религиозных объединениях и церковнослужителях. Информация наскоро собиралась через систему сельсоветов, передавались в КриК, а затем – в НКВД. Вот как обстояла ситуация на март – апрель 1931 года.

В Иссинском районе существовало 25 церквей, 14 из которых действовали и принадлежали тихоновцам, остальные были закрыты. В Кузнецком районе зарегистрировано 37 православных обществ и 41 церковнослужитель*. В самом Кузнецке действовало 4 церкви, было 14 церковнослужителей и 4 группы верующих, 2 из которых официально закрыты. Старообрядческих общин было 2, одну из них закрыли. В Камешкирском районе молитвенных домов – 14, 6 из которых закрыто, православных обществ – 20, из них 4 закрыто, групп верующих – 31, из них 4 закрыто, церковнослужителей – 3 человека. В Лунинском районе молитвенных зданий закрыто 5, групп верующих – 55, из них

* Имеются в виду священники и диаконы.

*Петропавловская церковь г. Пензы
Из коллекции И. Шишкина*

*Петропавловская церковь в стадии разрушения
Из коллекции И. Шишкина*

5 закрыто, церковнослужителей – 46. В Мокшанском районе действующих церквей – 38, церковнослужителей – 41, религиозных общин – 38. К 1 января 1932 года действующих церквей в районе осталось уже 25⁹⁵, но в следующем году председатель райисполкома Колонов, несмотря на протест верующих, одновременно закрыл еще 11 церквей⁹⁶. В Нижнеломовском районе церквей – 40, 2 закрыто, количество церковнослужителей неизвестно, православных общин – 42. В самом Н. Ломове тихоновских церквей – 1, а 3 – обновленческих; церковнослужителей – 2, 6 – обновленческих; православных общин – 2, закрыта – 1; обновленческих обществ – 3 (не одно не закрыто). В Керенском районе на 22 июня 1931 года было уже закрыто 16 церквей и 1 молитвенный дом⁹⁷. В Наровчатском районе из 37 действующих церквей 10 было закрыто, 9 из которых осквернено; церковнослужителей – 60, а по том насчитали 66; религиозных общин – 54, есть старообрядцы. Сведения подали в НКВД, после чего в районе стало 30 церквей, 29 церковнослужителей и 33 религиозных общины. В Чембарском районе церквей – 37, церковнослужителей – 32, религиозных общин – 37. В Шемышейском – 22 религиозных объединения, из них 8 закрыли, а к июню 1931 было закрыто 9 храмов, церковнослужителей – 4. В Пачелмском районе существовала 21 церковь, где служили 21 церковнослужитель, случаев ликвидации религиозных общин до 29 апреля 1931 года не было⁹⁸. Наконец Николопестровский район в 1931 году лидировал по обновленчеству, здесь было 15 обновленческих общин супротив 6–7 тихоновским. Две обновленческие общины, вместе с монастырем, закрыли. Православных священнослужителей зафиксировано 3, обновленческих – 9⁹⁹.

Приведенные сводки говорят о первых захватах церквей, о стоянии в вере еще сильного духом, но уже безвозвратно умирающего православного Посурья. Святая Церковь отстаивала православную веру с ножом в спине, но еще не чувствовала смертельной раны.

Первая волна закрытия была связана с организацией колхозов и приходилась на 1929–1934 годы, а в 1934–1938 гг. храмы все чаще переоборудовали под клубы¹⁰⁰. Однако это разделение весьма условно: как до революции у каждой церкви была индивидуальная история, так и в советское время каждый храм имел свою неповторимую трагическую судьбу. Почти всегда при закрытии храма власти встречали более или менее выраженные протесты

верующих, а в отдельных случаях открытые выступления с их стороны. Местное население обращалось с заявлениями во все мыслимые и немыслимые инстанции, наивно полагая, что именно в верхах сидят порядочные люди, которые не знают о безобразиях, происходящих на местах. КриК был буквально завален письмами верующих.

В 1931 году поступила жалоба из Наровчатского района от Спасопреображенской общины. Тогда же – из Чаадаевки на изъятие мебели из дома священника. 24 августа 1931 года – на неправильное налогообложение священников Мокшанского района

*Казанская церковь села Ломовка
Мокшанского уезда*

оо. Иоанна Прозорова и Петра Поспелова. В сентябре 1931 года в селе Чиндасы вспыхнула эпидемия тифа, верующие просили разрешения на исполнение религиозных обрядов. Однако власти, ссылаясь на карантин, отклонили прошение¹⁰¹. Поступила жалоба от верующих села Большая Лука Керенского района на то, что храм закрыли прежде, чем его успели зарегистрировать¹⁰². В Проказне Лунинского района в 1932 г. храм закрыли обманом. Здание церкви попросили на время под зерно (хотя были и другие подходящие помещения), но время шло, а церковь не возвращали. Верующие забиили тревогу, составили жалобу, под которой расписались 772 человека, против 251 «неверующих». Причем разделение произошло даже внутри семей. Власти никак не желали отдавать церковь, составляющую единое целое с усадьбой. Весь комплекс планировали использовать под санаторий юных пионеров, о чем и отписали верующим, пригрозив арестами за «халатное обращение с помещением»¹⁰³.

Многие жалобы звучали с особым сердечным надрывом и какой-то святой простотой, присущей только селу. Например,

5 марта 1936 года – из Ломовки в КрИК: «Дорогие товарищи. Обращаются к вам с просьбою граждане с. Ломовки Больше-Вьяского района. Мы верующие религиозной общины. Церковь пустует с 1933 года вследствие отсутствия священника. В настоящий момент ее заняли под хлеб. Дорогие Товарищи. И обращаемся мы к вам с Великою Просьбою. Прекратите такие безобразия и разрешите нам, религиозной общине, производить Богу службу. Так как округ нашего селения Если что от нас тут нужно, верующих список, то мы вам вышлем (Церковь стоит пустая), поэтому пользу Государству не приносит. В церкви ломать до сего времени вещи били Как поступил этот председатель Ефим Горошкин ее разрушил. Товарищи, мы вас просим, просьбу нашу не откажите Товарищи такое творят безобразие, скажем стороной, вы бы не позволяли так головотяпничать»¹⁰⁴.

Или, например, жалоба от верующих сел Лопуховка, Воскресенское, Николаевка Пензенского района, из которой видно, что председатель сельсовета не давал никакой возможности совершать «попам» службу. Одного 65-летнего священника обложил непосильным налогом, заставлял сдать 200 кубометров дров, грозил арестом и тюрьмой. Другому были предъявлены необоснованные требования, а третьему на храмовый праздник «Николы» запретил не только с молебном по домам ходить, но и вообще служить в храме. Ввиду такого обращения все три священника покинули приход. В конце заявления верующие пишут: «На основании вышеизложенного просим ВЦИК дать нам возможность иметь попа и не препятствовать нам исповедовать веру и обряды. Староста церкви. 13 января 1933 г.»¹⁰⁵.

Вообще Крайисполком советовал местным органам брать налог с таких жалобщиков¹⁰⁶. Письма верующих с просьбами об открытии церкви редко имели успех, они лишь ненадолго затягивали процесс окончательного изъятия храма.

Во избежание столкновений с населением богоборцы прибегали к самым разнообразным уловкам и ухищрениям. Ссылались на отсутствие помещения для клуба или зернохранилища, аварийное состояние церковного здания, требующее ремонта, неуплату налога, отсутствие священника (которого арестовали накануне), недостаточное количество прихожан и прочее. Часто храмы закрывались тайно, а местные власти следили за реакцией населения. Если ответа не последовало – ворота храма распахивались для грузовиков с зерном. Одним из методов ликвидации церквей

стало их страхование на случай пожара, введенное в 1929 году¹⁰⁷. Церковные советы, получившие денежную сумму, должны были использовать ее на ремонт здания церкви, но уже в качестве клуба, избы-читальни и т. п. Однако такие средства чаще уходили на депозит, увеличивались в размерах и «законно» вливались в государственный бюджет. Поэтому пожары в храмах резко участились, горели многие памятники деревянного зодчества.

Чтобы закрыть храм «на законном основании», активисты собирали с населения подписи, которые часто сами же подделывали или заставляли расписываться детей. Интересен случай, произошедший в соседнем Тамбове, связанный с закрытием старинной Варваринской церкви. В деле говорится, что инициаторами закрытия храма явились ученики первого класса школы № 9. Школьный работник Буданцев составил заявление, в котором написал, что учащиеся первого класса «стоят за закрытие церкви и переоборудование ее под школу». Под заявлением стояло несколько фамилий, неумело написанных на линованном листке детской рукой. Храм готовили к закрытию с 1929 года, но окончательно закрыли лишь в 1935 году¹⁰⁸.

В результате проводимых мероприятий на территории Пензенского округа действующих церквей практически не осталось. В 1934 году наблюдалась следующая картина. В сельской местности из 42 оставшихся незакрытыми церквей к 15 апреля закрыли 23, а 19 еще оставались открытыми, но ни одна из них не действовала. Из 23 закрытых храмов 13 использовались под склады, 5 – под клубы, 1 – под школу, а 4 просто пустовали. В самой же Пензе из 19 церквей к 15 апреля было закрыто 16, остальные 3 функционировали. Однако в мае того же года закрыли церковь в Конной Слободе. Из 17 закрытых церквей 3 храма использовали под склады, 1 – под клуб, 1 – под ЖАКТ, 4 – под учреждения, 7 – пустовали, а 1 разобрали.

Период массового закрытия церквей ознаменовался подвигами мирян по спасению родных святынь. Когда в селе Липяги Беднодемьяновского района храм освобождали от зерна, для подъема мешков в кузов самосвала воспользовались образом Богородицы от распятия. Раба Божия Анна, не побоявшись последствий, выхватила икону и взамен принесла обычную доску. С тех пор образ Богородицы в Липягах так и называют «икона-трап», она и поныне стоит в Троицкой церкви, украшая старинное Христово распятие.

Крестовоздвиженский собор Нижнего Ломова

Крестовоздвиженский собор после взрыва

В селе Козловка Лопатинского района Пензенской области жил дед Лаврентий Гамаюнов, которого все звали деда Ларя. Он был крестьянином-пасечником, всему селу делал улья и за то был уважаем. Когда стали ломать деревянную Козловскую церковь, дети тащили из храма большие иконы, просили деда сделать им улья. Лаврентий никому не отказывал, но все принесенные иконы попрятал, а улья набил из простых досок. Так было сохранено несколько больших икон старого письма, которые стоят в доме деда Лаврентия и по сей день.

Во Вьясском монастыре Саранского уезда был список с чудотворной Владимирской иконы Божией Матери в медном окладе, которая называлась молебной. Ее выносили на молебны, с ней совершали крестные ходы на источники. Когда грабили монастырь, икону Богородицы спасла от поругания раба Божия Пелагия Майорова. Вместе с иконой она рекой добралась до Лесного Вьяса и скрыла ее в своей избе. Когда Пелагия заболела, то передала святыню благочестивой Марии Морозовой (Мещеряковой), которая почистила икону и хранила у себя до открытия храма. Сегодня список в медном окладе выставлен для почитания в новой церкви Лесного Вьяса.

Однако в ряде мест население оказывалось безразличным к судьбе собственного храма, а некоторые принимали живое участие в разгроме церквей – жгли иконы, ломали иконостасы. В селе Ачасьево Наровчатского района с куполов деревянной церкви Св. Илии Пророка снимали медь на ведра, из которых кормили скотину. В селе Никольский Азясь Мокшанского района половицы из храма застилали в хлев, из кирпича строили бани, дороги. В селе Пустынь Пачелмского района некто, по прозвищу Горбун, мочился на лики святых и вскоре умер от рака мошонки. Подобных примеров масса, все они заканчивались для кощунников печально.

Одновременно по всей России шла борьба с колокольным звоном. Власти ссылались на то, что он мешает слушать радио, оскорбляет религиозные чувства нехристиан. «27 декабря 1929 года в здании Самарского городского совета слушали доклад о снятии колоколов с церквей города Самары. Постановили: Учитывая решение собраний рабочих по предприятиям, с требованием от Горсовета о снятии церковных колоколов для индустриализации страны, а также широкое движение советской общественности, поддерживающее эти требования, считаясь с волей избирателей

и признавая целесообразность этих требований, основанных на твердом решении пролетариата форсировать темп индустриализации СССР, Пленум Самарского Горсовета постановил:

1. Со всех церквей г. Самары снять колокола, передав металл на предприятия края и Советского Союза вообще, для переработки.

2. Полученные от реализации металла (колоколов) средства президиуму Горсовета использовать для постройки в г. Самаре нового Дома культуры и других культурных надобностей.

3. Снятие колоколов произвести на позднее 15-го января 1930 г.

4. Совершая важнейший политический и хозяйственный акт, Пленум Горсовета уверен, что рабочие всех городов нашего Края последуют примеру г. Самары»¹⁰⁹.

С этого момента колокольный звон сменился стоном падающих колоколов. Их повсюду стали сбрасывать, для чего приглашались рабочие команды, чаще из местных мужиков, которым платили все те же 30 сребреников. Работа была непростой. Прежде чем повергнуть

*Колокол, сброшенный
с Введенской церкви г. Пензы.
1931 г.*

колокол, приходилось на звоннице прорубать стены. Рухнув на землю, колокола зарывались в грунт или раскалывались, но их окончательно добивали кувалдами и увозили на переплавку – как тогда говорили: «колокола в трактора». Первоначально 50% сумм, вырученных от продажи колоколов поступали в госбюджет, остальные 50% – в местный. Но потом решили отдавать в местный бюджет все 100% с целью обслуживания все тех же культурно-бытовых нужд района, а в основном на нужды тракторизации¹¹⁰.

Программа закрытия церквей и снятия колоколов отозвалась протестами верующих, во многих местах произошли кровавые столкновения. Известны случаи, когда жители села покрывали землю вокруг храма своими телами, и сбросить колокол было невозможно.

В январе 1931 года во время снятия колоколов в селе Павло-Куракино Городищенского района около 400 человек сельчан обступили церковь. В толпу были сделаны выстрелы, один из защитников церкви, Василий Григорьевич Белянков погиб на месте. По делу было схвачено 26 человек, многих осудили на разные сроки, некоторых расстреляли. В частности 29 марта казнили священника Алексея Васильевича Листова, крестьян Н. М. Богомолова и Ф. К. Кирюхина.

В 1930 году в Керенске был закрыт Успенский собор, сначала туда засыпали хлеб, а затем здание до неузнаваемости перделали, приспособив под Дом культуры. Вход в этот Дом сделали через алтарь, а над входом повесили надпись «Октябрь», так что изуродованный собор стал памятником тупого советского вандализма. По легенде соборный колокол весом в 150 пудов исчез в ночь перед закрытием храма. Старожилы рассказывают, что местный житель дед Носан вывез его на кладбище, где и закопал. Место захоронения колокола не найдено и по сей день.

В 1931 году дошла очередь и до Богоявленской церкви Керенска. Дважды стогняли местных мужиков, заставляя снимать колокола, но те отказывались, невзирая на угрозы сельсовета. Тогда пригнали мужиков из соседнего Кириллова, колокол подавался с трудом, но все-таки с плачем упал и наполовину ушел в землю.